

Оба новоиспечённых супруга вымотались до крайности. Один едва перенёс падение с кручи и переселение души в чужое тело, другой — вконец изнурил себя под указку родного отца и нового отца. Стоило их головам коснуться подушек, как оба мгновенно провалились в глубокий сон.

На следующий день, когда Мяо Юээр постучала к ним, солнце уже стояло в зените.

По местным обычаям на утро после свадьбы молодой супруг-шуаньэр должен был подняться ни свет ни заря, чтобы поднести чай старшим в доме.

Из-за двери донёсся голос Мяо Юээр:

— Чжуншань! Дедушка с бабушкой уже заждались в главном доме. Меня послали поторопить вас. Вставайте поскорее, и Сяо шуаньэра своего разбуди!

Для молодого шуаньэра свёкор звался дедушкой, а свекровь — матушкой. Мать Фан Чжуншаня давно почил, так что почтительный чай подносили главе семейства Фан Юаню и старой госпоже Фан.

Фан Чжуншань, едва освоившийся в этом мире после переселения души, местных порядков толком не знал. Когда невестка постучала в дверь, он лишь сонно повёл плечом, с трудом выплывая из дрёмы.

Стоило сознанию проясниться, как он почувствовал мягкое тепло у себя на груди. Чжуншань повернул голову. Цзян Жан, который с вечера робко жался к самому краю у стены, за ночь невесть как перебрался ближе. Теперь его крохотная ладонь доверчиво покоилась на груди мужа, а сам юноша сладко спал, мерно посапывая.

Чжуншань опешил. Он осторожно коснулся плеча спящего, пытаясь разбудить, но Сяо шуаньэр лишь недовольно поморщился и перехватил его руку, прижав к себе. На губах юноши затрепетал бессвязный шёпот:

— Цзян Мо, ну не приставай... Он обязательно сможет, правда! Я... я ведь очень стараюсь...

От этих бессвязных сонных лепетаний Фан Чжуншань окончательно растерялся.

Мальчишка вчера натерпелся страху да и набегался так, что едва держался на ногах. Чжуншаню стало искренне жаль супруга, и он бы с радостью дал ему поспать ещё часок-другой. Однако Мяо Юээр за дверью заводила свою песню пуще прежнего, твердя, что промедление грозит гневом старой госпожи.

С крутым нравом бабули Фан Чжуншань уже успел познакомиться по воспоминаниям прежнего хозяина тела: остра на язык, невероятно упряма, но горой стоит за своих. В доме её

слово оставалось последней инстанцией. Если Цзян Жан с первого же дня не угодит старухе, его жизнь в этой семье превратится в сущий ад.

— Жан-эр, просыпайся, — тихо позвал Чжуншань, легонько тряхнув юношу за плечо. — Отец и бабушка уже ждут нас.

Только со второй попытки Цзян Жан, чьи мысли во сне всё ещё крутились вокруг пресловутой Книги с тонкими желтыми страницами и мужской силы супруга, вздрогнул и резко сел на постели. Взглянув на резное деревянное окно, сквозь которое вовсю лился яркий дневной свет, привыкший вставать до зари Сяо шуаньэр обомлел. Личико его мгновенно исказилось от испуга.

«Как же я мог так беспробудно уснуть! Теперь дедушка с бабушкой точно рассердятся. Что же делать?»

Живя у Цзянов, Жан-эр нёс на себе всю домашнюю работу: готовил на всю ораву завтрак, мёл двор и стирал. Даже в лютые морозы, когда вода замерзала прямо в чанах, он поднимался до первых петухов. Случалось ему захворать и проспать лишний час — тогда новый отец находил самые изощрённые способы наказать нерадивого пасынка.

Воспоминания о былых побоях и издевательствах заставили его мелко задрожать. От страха пальцы юноши отказывались слушаться, безуспешно пытаясь совладать с завязками на одежде.

Видя, в каком ужасе бьётся его молодой супруг, Фан Чжуншань мягко перехватил его руки и успокаивающе произнёс:

— Не бойся. Если бабушка или отец станут выговаривать, свали всё на меня. Скажи, что это я разнежился в постели и не пускал тебя. Бабушка во мне души не чает, так что ругать тебя не станет.

Чжуншань оказался прав. Когда молодожёны вслед за Мяо Юээр торопливо вошли в главный дом, старая госпожа Фан сидела мрачнее тучи. На Жан-эра она даже не взглянула, выказывая полное пренебрежение. Но стоило Чжуншаню взять вину на себя и засыпать её оправданиями, как ледяная маска на лице старухи слегка подтаяла.

Дрожащими руками Цзян Жан поднёс чай сначала старой госпоже, затем Фан Юаню, робко лепеча традиционные свадебные пожелания счастья и долголетия. Лишь после этого сменившая гнев на милость старуха милостиво кивнула, позволяя ему отступить и встать у стены.

Стоило же ей перевести взгляд на любимого внука, как суровые складки у рта разгладились, а лицо прорезала тёплая улыбка. Старуха ласково притянула Чжуншаня к себе, усаживая на скамью подле себя, и участливо спросила:

— Чжуншань, ну как ты, родной? Голова не кружится? Болезнь совсем отступила?

Чжуншань мягко поблагодарил её и заверил, что чувствует себя превосходно. Тем временем в комнату вошли остальные домочадцы: помимо старшего брата с женой, пожаловали дядя Фан Ди и двоюродный брат Фан Чжунсинь.

Фан Ди, едва переступив порог, шутливо погрозил племяннику кулаком:

— Ах ты паршивец эдакий! Ну и переполоху ты в доме наделал, чуть всех в могилу не свёл! Ещё раз вздумаешь так пугать родню — лично уши надеру!

Беда миновала, и в доме вновь воцарилось веселье. Родственники шумно переговаривались, пока сидевший во главе стола Фан Юань наконец не призвал всех к порядку, кашлянув в кулак.

— Раз уж все в сборе, — неторопливо начал он, — нам нужно обсудить одно важное дело. Чжуншань теперь человек женатый. По обычаю нашей деревни Хэсецунь, ему положено отделиться и жить своим домом.

Едва расслышав эти слова, старая госпожа Фан, только что благодушно улыбавшаяся шуткам деверя, мигом переменилась в лице и грохнула ладонью по столу:

— Это ещё что за вздор?! Мальчик только-только с того света вернулся, на ногах едва стоит, а ты его уже из дома гонишь? Тоже мне, отец выискался!

Фан Юань от такой гневной отповеди растерялся и виновато забормотал:

— Да как же так, матушка... Закон ведь для всех один. Когда Чжунси женился на Юээр, мы ведь сразу их отселили.

Стоя в сторонке, Фан Чжуншань молча наблюдал за перепалкой, выуживая из памяти подробности о делах семейства.

В деревне Речного Отдыха действительно издавна чтили неписаное правило: заимел жену — строй свой очаг. Если семья не бедствовала, сыновьям после свадьбы выделяли долю земли и крышу над головой из отцовских владений. Как говаривали старики: «Разрослась крона — руби ветви на черенки, вырос сын — дели усадьбу».

Хоть семейство Фан в округе и недолюбливали, зажиточности им было не занять — шутка ли, в предках числился настоящий учёный-сюцай. Помимо добротного главного дома, у них имелись угодья на окраинах. К примеру, старшему сыну Чжунси с супругой отписали пол-му пашни и небольшую однокомнатную мазанку под черепицей.

Закон один для всех, но упрямая любовь старой госпожи Фан не знала законов. Разве мог безликий старший сын сравниться с её ненаглядным Чжуншанем? Мальчик рос сиротой без материнской ласки, она сама качала его колыбель. Младшенький, избалованный, любимый... Да он едва вырвался из лап безжалостной смерти! Как отпустить его сейчас, на какие лишения обречь?

— И слушать ничего не желаю! — отрезала старуха, прижав к себе внука. — Чжуншань останется при мне. Негоже больному ребёнку по углам скитаться да нужду терпеть!

Старуха рубила с плеча, не заботясь о чувствах остальных. Стоявшие неподалёку Чжунси с женой помрачнели. Им, как старшим в роду, при разделении имущества не досталось и сотой доли той нежности, которую бабушка расточала на младшего брата. Каждое зёрнышко пашни вымаливали с боем, а тут — «жалко дитятко отпускать»!

Чжунси давно привык к тому, что брат всегда ходил в любимчиках, но потакать капризам в столь серьёзном деле, как делёж наследства, казалось ему верхом несправедливости.

Заметив обиду на лице старшего сына, Фан Юань поспешил сгладить углы:

— Ну полно вам, матушка. Какая же это нужда? Вон, Чжунси отделился — теперь сам себе хозяин, при жене и чаде, живёт да радуется!

Приблизившись к старухе, он негромко добавил ей на ухо:

— Поймите, матушка, мы ведь о его же благе печёмся. Парень обзавёлся молодым супругом. Если держать их подле себя, как им чувствами делиться? Неровен час, помешаем их уединению, так вы и правнуков не дождётесь. Разве не грех будет?

Чжунси за два года брака нажил лишь Сяо шуаньэра. Отсутствие крепкого здорового правнука-ханьцзы, способного продолжить род, оставалось незаживающей раной в душе старой госпожи. Из-за этого ей вечно приходилось терпеть косые взгляды деревенских кумушек. Слова сына попали в самую цель — старуха заметно притихла, раздумывая.

Фан Чжуншань решил ковать железо, пока горячо. Он понимал, что долго притворяться прежним Чжуншанем под бдительным оком любящей бабушки не удастся — рано или поздно чужак выдаст себя. Переезд виделся ему идеальным спасением. Да и Жан-эр, тихий и безответный, вряд ли уживётся со своенравной главой семейства. Без постоянных придинок и косых взглядов им двоим будет куда привольнее.

— Бабушка, — мягко проговорил Чжуншань, накрыв ладонью сухую руку старухи. — Раз уж старший брат обрёл свой дом, мне тоже негоже оставаться приживалом. Деревня у нас небольшая, от одного конца до другого рукой подать. Я обещаю навещать вас каждый день.

Против ласки любимого внука у старой госпожи Фан не нашлось оружия. Она лишь притворно надулась и легонько ткнула его пальцем в лоб:

— Ах ты, неблагодарный! О ком я, по-твоему, пекусь? Стара я стала, скучать по тебе буду. А ты только и думаешь, как сбежать от старухи! Видно, зря я тебя баловала.

Поворчав для порядка, она всё же сдалась под натиском мыслей о будущем правнуке. Внук и сын долго ластились к ней, пока старуха наконец неохотно не кивнула:

— Ладно уж, будь по-вашему. Помнится, у нас на южной окраине пустует один му хорошей земли. Да и домик под черепицей там справный, несколько лет назад ставили, почти не жили в нём. Пускай Чжуншань забирает.

Целый му пашни и добротный дом! В деревне Речного Отдыха такой щедрый надел считался неслыханной роскошью. Фан Юань знал, как сильно матушка балует младшего, потому и не смел перечить.

Но старуха всё ещё сомневалась:

— Земля-то хороша, спору нет, да только больно далеко это. Почти на самом отшибе.

— Да полно вам, матушка, — поспешил успокоить её Фан Юань. — С одного конца деревни на другой пройти — дело получаса. Чжуншань у нас молодой, сильный, ноги не отвалятся.

Сам Чжуншань благоразумно помалкивал. Далёкая южная окраина казалась ему сущим раем — подальше от любопытных глаз родственников, посреди тишины и покоя.

Всеми деньгами и землями в семье безраздельно правила старая госпожа Фан. Ей претила сама мысль о том, что любимый внук уедет так далеко, но ещё больше она боялась обделить его при разделе имущества. Взвесив все за и против, старуха поняла, что лучшего надела им не сыскать, и со вздохом уступила.

Му плодородной земли и просторный дом!

Слушая это, Чжунси едва сдерживал kloкочущую в груди обиду. Оба они были родными внуками, но разница в отношении переходила все границы. Неужели этот Чжуншань сделан из какого-то другого теста?

Но спорить с авторитетом старой госпожи никто не смел. Чжунси с женой могли лишь молча глотать горькую обиду.

На этом вопрос с разделом имущества был окончательно решён.

<http://bllate.org/book/19394/1950846>